

Нет автора

**Вопросы философии и
психологии: Книга 92**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н57

Н57 **Нет автора**
Вопросы философии и психологии: Книга 92 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 276 с.

ISBN 978-5-458-04740-1

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04740-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Соціальная утопія Платона.

VII.

Цѣль идеальнаго государства и средства ея осуществленія.

Парадоксъ соціальной утопіи Платона теперь становится намъ понятенъ. Среди міра, гдѣ правда не живетъ, среди общества, по существу враждебнаго мудрости, философъ безсиленъ и безпомощенъ. И, тѣмъ не менѣе, съ его мудростью и силой связана единственная надежда на спасеніе этого общества. Ибо онъ—единственный обладатель откровенія Безусловнаго, той самой правды, которая спасаетъ. Вотъ почему „вышній городъ“ въ ученіи Платона является въ видѣ города философовъ.

Толпа ненавидитъ философовъ и не вѣритъ имъ. И, однако, Платону ясно, что „государство не будетъ когда-либо счастливымъ, если его не начертаетъ живописцы, пользующіеся божественнымъ первообразомъ“. ¹⁾

Задача спасенія связываетъ людей въ одно цѣлое; поэтому *въ одиночествѣ* не достигнетъ спасенія и самъ философъ: для спасенія отдѣльной личности нужно возрожденіе всей ея общественной среды. Недостаточно, чтобы человѣкъ повернулся всѣмъ своимъ существомъ отъ тлѣннаго къ нетлѣнному: необходимо, чтобы вмѣстѣ съ нимъ все общество совершило такой же подъемъ и поворотъ; необходимо *вообще* вмѣстѣ божественное содержаніе въ человѣчeskія формѣ

---

¹⁾ Civitas, l. VI. 500.

мы, сдѣлать человѣческую жизнь „богоподобною и божественною“. Въ этомъ и состоитъ задача идеальнаго государства¹⁾.

Мы видимъ здѣсь надежду, которая не только не находитъ основаній и опоры въ современной Платону дѣйствительности, но не умѣщается даже въ рамки его собственнаго міропониманія. Тутъ есть не только явное несоотвѣтствіе, но и коренное противорѣчіе между *целью* мыслителя и средствами, которыми онъ можетъ располагать, несоотвѣтствіе, глубоко созннанное самимъ Платономъ. Никто лучше Платона не изобразилъ противорѣчіе между политической задачей философа и его наклонностями: нужно перевоспитать эти наклонности, чтобы сдѣлать философа способнымъ къ управленію. Типъ правителя - философа завѣдомо для Платона не существуетъ, а только *долженъ* быть созданъ; что же касается другихъ политиковъ, то отсутствіе у нихъ истинной мудрости при безмѣрномъ самомнѣніи было разоблачено еще Сократомъ²⁾, который за то поплатился жизнью. Кругъ наблюденій Сократа былъ ограниченъ роднымъ городомъ—Афинами; но Платону, который много путешествовалъ и наблюдалъ, пришлось убѣдиться, что политиковъ, соотвѣтствующихъ его требованіямъ, вообще нѣтъ на свѣтѣ: въ дѣйствительности существуютъ или правители антифилософскаго, спартанскаго типа, или олигархи, поглощенные погоней за деньгами, или демагоги-звѣропоклонники или же, наконецъ, человѣкъ, ставшій волкомъ,—тираннъ.

Однако, отъ несуществованія чего-либо нельзя заключать къ невозможности того, что въ данный моментъ не существуетъ. Поэтому Платонъ пытается обосновать *возможность* идеальнаго государства.—Среди потомковъ царей и династовъ случайно *могутъ* оказаться люди съ философскими дарованіями³⁾. Имъ трудно устоять противъ соблазновъ и спастись отъ растлѣвающаго дѣйствія среды; но врядъ ли кто-нибудь станетъ утверждать, чтобы за все время существо-

1) Ibid. 501.

2) Apologia, 21.

3) Civitas, VI, 502.

ванія государства *ни одинъ не могъ спастись*. Если же спасется хоть одинъ, и *государство его послушается*, то можетъ осуществиться все, что кажется теперь невѣроятнымъ. Если этотъ правитель начертаетъ законы и учрежденія идеальнаго государства, то *возможно, что граждане за нимъ послѣдуютъ*. Если мы убѣждены въ цѣлесообразности такого устройства, развѣ невозможно, чтобы въ этомъ убѣдились и другіе? ¹⁾

Всѣ эти „если“ показываютъ, что для осуществленія идеальнаго государства необходимо накопленіе ряда счастливыхъ и притомъ невѣроятныхъ случайностей: нуженъ несуществующій правитель, который „очиститъ государство“, превратитъ существующія учрежденія и нравы въ *tabula rasa*, что, по словамъ Платона, *не легко* ²⁾, и народъ, который послужитъ пассивнымъ матеріаломъ для новаго радикальнаго переустройства. Мало того, даже если оно осуществится, идеальное государство все-таки останется случайностью. Надъ нимъ тяготѣетъ рокъ: „трудно измѣниться государству, такимъ образомъ устроенному; однако, такъ какъ все, что рождается, неизбѣжно гибнетъ, то и это устройство не пребудетъ во всѣ времена, но разрушится“ ³⁾.

Случайнымъ въ ученіи Платона представляется нѣчто гораздо большее, чѣмъ его философское государство: случайно то самое, что для него составляетъ цѣль жизни—*спасеніе человека*. Онъ прямо говоритъ, что спастись при существующемъ общественномъ состояніи человѣкъ можетъ не собственными силами, а только божественною помощью⁴⁾. Для спасенія надо преодолѣть сопротивленіе не только человѣческой, но и всей земной природы. А это—чудо, для котораго въ философіи Платона нельзя найти ни объясне-

¹⁾ Ibid.

²⁾ Ibid. I. VI, 501.

³⁾ Ibid. I. VIII, 546.

⁴⁾ Ibid. I. VI, 492—493: εὐ χρῆ εἰδέναι, ὅτι περ ἄν σωθῆι, τε καὶ γένηται οἶον δεῖ ἐν τοιαύτῃ καταστάσει πολιτειῶν, θεοῦ μοῖραν αὐτῶ σωσαι λέγων οὐ κακῶς ἔρεται.

ній, ни основаній. Ибо онъ изобразилъ намъ съ одной стороны землю, по самому существу своему *навѣки* оторванную отъ неба, по самой природѣ своей осужденную на вѣчную суету, на нескончаемую бессмыслицу рожденія и умиранія,—а съ другой стороны—небо, безсильное поднять до себя землю и воплотиться въ ней. Противорѣчіе соціальной утопіи Платона коренится въ самыхъ основахъ его міросозерцанія: онъ признаетъ непримиримую противоположность двухъ міровыхъ началъ и ставитъ передъ философомъ-правителемъ задачу, которая предполагаетъ возможность ихъ примиренія.

Чтобы достигнуть совершеннаго богоподобія и божественности, человѣкъ долженъ стать вполнѣ *бессмертнымъ*. И вотъ въ *Федръ* Платонъ прямо говоритъ, что *бессмертіе предполагаетъ нерасторжимое, вѣчное соединеніе души съ тѣломъ*. Существо, состоящее изъ бессмертной души и смертнаго тѣла называется потому самому смертнымъ; „бессмертнымъ же мы называемъ божество не въ силу какого-либо продуманнаго разсужденія; но, не видя его и не мысля о немъ точно, мы воображаемъ его нѣкоторымъ бессмертнымъ существомъ, которое обладаетъ душою и тѣломъ, навѣки сросшимися между собою“ ¹⁾.

Это совершенное бессмертіе, которое рисуется философу только *въ воображеніи*, въ минуту вдохновенія, оказывается недостижимымъ для человѣка; неосуществимо и совершенное, *дѣйствительное* соединеніе его съ божествомъ. Человѣческая душа въ системѣ Платона изображается въ видѣ вѣчнаго странника, который никогда не достигаетъ вполнѣ своей цѣли, а потому никогда не находитъ окончательнаго успокоенія. Въ лучшихъ, избранныхъ душахъ небесный эросъ раститъ крылья, на которыхъ онѣ поднимаются къ небу. Полетъ этотъ начинается и готовится уже здѣсь, на землѣ, но завершается лишь послѣ смерти, когда душа освобождается отъ тѣлесныхъ оковъ. Тутъ

¹⁾ Phaedrus, 246.

душа, овладѣвая крыльями, взлетаетъ къ жилищу боговъ; тамъ, въ созерцаніи красоты, мудрости и блага крылья крѣпнуть и растутъ; но соприкасаясь съ божественнымъ міромъ въ созерцаніи, душа не пресуществляется въ него и не увѣковѣчивается въ немъ. Она не освобождается отъ влеченія къ тѣлу и вновь ниспадаетъ на землю; здѣсь она забываетъ воспринятая откровенія и теряетъ крылья. Потому она проходитъ черезъ нескончаемыя душепереселенія, опять вспоминаетъ забытый горній міръ, снова раститъ крылья, опять поднимается и падаетъ и т. д. до безконечности. Иначе говоря, она обречена на безконечное круговращеніе жизни, гдѣ цѣль ея никогда вполнѣ не достигается, ибо смерти здѣсь—нѣтъ конца ¹⁾.

Весь міровой процессъ представляетъ собою тотъ же порочный кругъ. Это—нескончаемое стремленіе, которое никогда не достигаетъ цѣли: ибо цѣль его заключается въ заполненіи пропасти, которая никогда не можетъ быть заполнена. Цѣль всего того, что рождается, заключается въ достиженіи истиннаго бытія, въ осуществленіи непреходящей *сущности*: „всякое отдѣльное рожденіе совершается ради отдѣльныхъ сущностей; весь же генезисъ вообще совершается ради всего сущаго вообще“ ²⁾. Однако, это—совершенно недостижимый конецъ, ибо сущее не можетъ войти въ потокъ явленій: говоря словами Тимея, сущее—это „то, что всегда есть и никогда не рождается“; наоборотъ, наблюдаемый нами міръ есть „то, что рождается и умираетъ, но никогда воистину не есть“, ³⁾. Весь этотъ міръ въ непрерывной смѣнѣ возникающихъ и исчезающихъ явленій стремится осуществить божественную идею, воплотить ее въ себѣ; но онъ никогда не успѣваетъ въ своемъ стремленіи, а производитъ непрерывно умирающія формы—нѣчто среднее между бытіемъ и не бытіемъ ⁴⁾. Идея „не

¹⁾ Въ различныхъ мифическихъ образахъ этотъ процессъ круговращенія душъ изображается въ *Федръ* 246—249 и въ *Республикѣ*, I, X, 614—621.

²⁾ *Philebus*, 54.

³⁾ *Timaeus*, 27—28.

⁴⁾ *Civitas*, I, V, 479.

рождается и не умираетъ, не воспринимаетъ въ себя чего-либо другого, не переходитъ сама во что-либо другое; она недоступна зрѣнію и другимъ чувствамъ и созерцается только мыслью¹⁾. Иначе говоря, божественное *невоплотимо* въ матеріи.

Выше было приведено мѣсто изъ „*Софиста*“, гдѣ идеи опредѣляются какъ причины явленій, какъ *силы*, которыя движутъ и сами движутся. Но, во-первыхъ, у Платона не указано, какъ это ученіе о движеніи идей согласуется съ только что цитированнымъ текстомъ Тимея, гдѣ въ идеяхъ не допускается никакого измѣненія или перехода; во-вторыхъ, *дѣйствіе* идей на міровой процессъ во всякомъ случаѣ представляется весьма поверхностнымъ: вмѣсто того, чтобы *осуществлять* въ себѣ идею, міръ только *подражаетъ* ей, *отражаетъ* ее во множествѣ единичныхъ явленій, созданныхъ по ея образу и подобию. Далѣе, эти подобія идей въ чувственныхъ явленіяхъ—не болѣе какъ призраки, тѣни, обманчивые образы. Идею нельзя узнать въ ея отраженіяхъ: здѣсь она является не въ первообразной своей чистотѣ, а въ двусмысленномъ сочетаніи съ противоположными ей опредѣленіями и качествами. Такъ, на примѣръ, нѣтъ ни одного единичнаго явленія, которое бы выражало въ себѣ безотносительную красоту или безотносительную справедливость; но каждое бываетъ въ одномъ отношеніи прекраснымъ, въ другомъ—безобразнымъ, въ одномъ отношеніи справедливымъ,—въ другомъ—несправедливымъ²⁾. Конкретныя явленія, во множествѣ разнообразныхъ образовъ воспроизводящія идею, которая сама въ себѣ едина, отражаютъ ее до того неточно и неполно, что мы не могли бы ее познать путемъ обобщенія явленій, путемъ отвлеченія отъ нихъ; душа наша вообще не могла бы познавать идей—первообразовъ, если бы она не могла созерцать ихъ непосредственно, до чувственного опыта³⁾.

1) Timaeus, 52.

2) Civitas, l. V, 479.

3) Phaedo, 74; Parmenides, 132.

Божественныя идеи существуютъ сами въ себѣ и по себѣ (*αὐτὰ καθ' ἑαυτὰ*), отдѣльно и независимо отъ явленій ¹⁾. Съ другой стороны и матерія существуетъ независимо отъ идей. Правда, Платонъ опредѣляетъ матерію какъ *небытіе*, отсутствіе всякихъ качествъ. Но этому противорѣчитъ то, что, по его ученію, *матерія оказываетъ сопротивленіе* идеѣ, затемняетъ и искажаетъ ее въ явленіи, дробитъ ее въ отраженіи на множество образовъ, является вообще источникомъ чуждаго идеѣ множества и движенія. Вообще, міръ матеріальный противолежитъ міру идеальному, божественному какъ вѣчная граница: идея безсилна преодолѣть его сопротивленіе. Этому безсилію идеи въ мірозданіи совершенно соотвѣтствуетъ немощь божьяго человѣка—философа въ государствѣ и зависимость самаго государства отъ слѣпотаго случая.

Въ своемъ стремленіи заполнить пропасть между двумя мірами, Платонъ воздвигаетъ между ними цѣпь посредниковъ. Это, какъ мы уже видѣли, эросъ, міровая душа, всякая вообще бессмертная душа. Особенность души въ томъ и заключается, что она можетъ жить двоякою жизнью—подниматься въ созерцаніи къ божественному и жить въ смертномъ тѣлѣ. Но эти посредники не исполняютъ основной своей задачи и назначенія. Въ душѣ, какъ и въ эросѣ, оба начала—земное и горнее, тѣлесное и духовное, не проникаютъ другъ друга, не сочетаются въ неразрывномъ, вѣчномъ единствѣ, а спорятъ между собою. И споръ не находитъ себѣ разрѣшенія. Небо сіяетъ въ своей вѣчной, равнодушной красотѣ, отрѣшенной отъ всего земного. А земля остается во власти смерти и тлѣнія.

При этихъ условіяхъ попытка осуществить вышній городъ на землѣ—въ корнѣ противорѣчива и тщетна. У Платона она—не болѣе, какъ покушеніе съ негодными средствами.

¹⁾ Parmenides, 133.

²⁾ *χωριστά*, по выраженію Аристотеля.

VIII.

Духовное и матеріальное начало въ системѣ Платона борются между собою и ограничиваютъ другъ друга, но не въ состояніи окончательно побѣдить одно другое. Поэтому вселенная представляется Платону какъ бы результатомъ нѣкотораго рода компромисса между тѣмъ и другимъ: „міръ родился изъ смѣшенія разума и необходимости“ ¹⁾. Его идеальное государство представляется такимъ же двойственнымъ, смѣшаннымъ созданіемъ: въ виду непреодолимаго сопротивленія матеріи Платонъ вынужденъ итти на компромиссъ, довольствоваться относительнымъ и пользоваться средствами, не ведущими къ цѣли, противорѣчащими ей. При этихъ условіяхъ предметомъ компромисса неизбѣжно становится то самое, что по самой природѣ своей компромисса не допускаетъ,—то, въ чемъ Платонъ видитъ безусловный смыслъ существованія.

Въ его „Политіи“ поражаетъ прежде всего контрастъ между *универсальной, общечеловѣческой* задачей, которую ставитъ себѣ философъ, и тѣми ограниченіями, которымъ она подвергается на практикѣ. Торжество духа надъ матеріей—вотъ смыслъ всего существующаго. Безсмертіе, увѣковѣченіе человѣка въ Богѣ, вотъ цѣль *всякой вообще человѣческой жизни*. Однако, на практикѣ этотъ *разумъ* платоновой философіи вступаетъ въ сдѣлку съ необходимостью; универсальная, общечеловѣческая цѣль подмѣнивается задачей узко-національною и узко-политическою. Спасеніе оказывается удѣломъ не всѣхъ людей, а только—избраннаго меньшинства.

Въ идеѣ царство философовъ—для всѣхъ благодѣяніе: безъ него невозможно спастись ни государствамъ, ни вообще *человѣческому роду* (*ἀνθρώπων γένει*) ²⁾. И, однако, этотъ вышній городъ у Платона замыкается въ тѣсныя этнографическіе

¹⁾ Timaeus, 48: μεμυμένη γὰρ οὖν ἢ τοῦδε τοῦ κόσμου γένεσις εἰ ἀνάγκης τε καὶ τοῦ συστάσεως ἐγγενήθη.

²⁾ Civitas, l. V, 473.

и географическіе предѣлы. Онъ прямо говоритъ, что это—*эллиникій городъ* ¹⁾, и тѣмъ самымъ отмежевываетъ его отъ царства необходимости, куда входятъ варвары, т.-е. все прочее человѣчество. Основаніемъ для такого отмежеванія служить не какое-либо нравственное требованіе, вытекающее изъ философскаго идеала, а чисто матеріальный, физиологическій фактъ: эллины—*по природу* друзья и родные: варвары же *по природу* (φύσει)—чужіе и враги. Поэтому война противъ эллиновъ—недозволительное междоусобіе; война же противъ варваровъ,—война въ истинномъ смыслѣ этого слова, дозволительная и законная; обращеніе военноплѣнныхъ въ рабовъ—естественное и нормальное ея послѣдствіе ²⁾.

Платонъ ясно сознаетъ, что основное требованіе возвѣщаемаго имъ царства правды—*объединеніе людей* въ совмѣстномъ служеніи ихъ сверхчувственной, загробной цѣли. Но *универсальное единство* человѣческаго рода подмѣнивается у него *объединеніемъ національнымъ*, панэллиническимъ; мало того, и это объединеніе у него оправдывается утилитарнымъ мотивомъ: эллины должны забыть свои распри, дабы не подпасть владычеству варваровъ. Ради этого они должны воздерживаться отъ войнъ между собою; если война начнется не по ихъ винѣ, граждане идеальнаго государства должны вести ее только для того, чтобы наказать виновниковъ братоубійственной распри. При веденіи этой вынужденной войны они должны воздерживаться отъ издѣвательства надъ трупами убитыхъ враговъ, отъ оскверненія храмовъ, грабежей и опустошеній, не должны ни сами продавать военноплѣнныхъ эллиновъ въ рабство, ни дозволить этого другимъ ³⁾. По отношенію къ варварамъ этихъ нравственныхъ обязательствъ не существуетъ.

Но это—еще не все: слѣпая естественная необходимость налагаетъ на божественную идею рядъ другихъ ограниченій и оковъ. Рѣдкое вообще среди людей сѣмя божьей муд-

¹⁾ Ibid., 470.

²⁾ Civitas, I. V, 470.

³⁾ Ibid., 469—471.

рости рѣдко и среди эллиновъ; не надѣясь на широкое влияние философіи, Платонъ можетъ себѣ представить „вышній городъ“ только въ видѣ небольшого греческаго города среди другихъ нефилософскихъ городовъ.

Весь планъ общественнаго переустройства суживается самимъ философомъ до микроскопическихъ размѣровъ. Съ одной стороны—возвышенный паеосъ „Политіи“ о начертанномъ на небесахъ *божественномъ* первообразѣ человѣческаго общежитія ¹⁾, а съ другой стороны—затрата богатыхъ даровъ гения для подробнѣйшаго изображенія идеальнаго общественнаго устройства *на пять тысячъ сорокъ гражданъ* въ „Законахъ“ того же Платона ²⁾! Этотъ контрастъ производитъ невообразимо тягостное впечатлѣніе. Въ „Политіи“, при отсутствіи точныхъ цифровыхъ указаній, также идетъ рѣчь о государствѣ не слишкомъ маленькомъ, но и не слишкомъ большомъ. Всего любопытнѣе тутъ прямое признаніе, что при большой территоріи и при большомъ количествѣ жителей, *государство не достигало бы своей цѣли*: оно утратило бы свое *единство*: единомысліе возможно лишь въ тѣсномъ, дружескомъ кругу ³⁾. Не забудемъ, что единство въ глазахъ Платона составляетъ основной признакъ господства божественной идеи; напротивъ, дробленіе, раздоръ и хаосъ у него служатъ печатью всего внѣбожественнаго, матеріальнаго; какъ мы видимъ теперь, эту печать носить на себѣ все, что выходитъ за предѣлы небольшой, сплоченной семьи идеальныхъ гражданъ!

Платонъ не хочетъ расширения территоріи, потому что боится той безсмысленной, стихійной волны, которая грозитъ захлестнуть его идеальное государство. По опыту онъ знаетъ, что обширное государство поглощается погоней за матеріальными интересами и, распадаясь на богатыхъ и бѣдныхъ, раскалывается на-двое. И вотъ ему хочется уберечь своихъ гражданъ отъ раскола, хотя бы для этого нужно

¹⁾ Ibid., l. VI, 500, l. IX, 592.

²⁾ Leges, l. V, 737—738.

³⁾ Civitas, l. IV, 423.